

---

---

**Л. П. Лашук**

## **ИСТОРИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗМОВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ**

### **1. К постановке вопроса**

В этнографической литературе неоднократно отмечалось, что всего несколько десятилетий назад в среде кочевых и полукочевых скотоводов Евразии — сибирских, среднеазиатских, южноуральских и кавказских тюрков, бурятов, калмыков и прочих — даже в условиях глубокого социального расслоения стойко сохранялись родо-племенные деления. Современные авторы чаще пишут о таких локальных группах — племенах и родах — в кавычках, поясняя, что эти подразделения по сути дела представляли собою не исконные кровнородственные объединения, а смешанные, конгломератные группы, в течение многих столетий вбивавшие в себя самые разнородные этнические элементы<sup>1</sup>.

Однако основным инструментом раскрытия структуры и исторического соотношения локальных подразделений тех или иных тюрко- и монголоязычных народов все еще служит традиционный метод генеалогической реконструкции, довольно слабо увязанный с историко-социологическим подходом к изучаемым явлениям. По-прежнему на основании данных опроса современных информаторов об их действительных предках или, чаще, легендарных прародителях смело реконструируются многоступенчатые пирамиды патриархально-родовой преемственности («вертикальная» иерархия предков), т. е. предполагаемые «генеалогические древа» существующих ныне этнических общностей.

Конечно, такие реконструкции представляют значительный этнографический интерес, так как, во-первых, они отражают и обобщают довольно сложные представления этнических групп об их родословии, а во-вторых, позволяют выявить некоторые этнические имена родов и племен, некогда вошедших в состав данного народа. Но нельзя не заметить, что длительное сохранение разветвленных генеалогий само по себе требует исторического объяснения, а также и то, что эмпирические реконструкции, основанные на современном материале (преимущественно устных преданиях), вряд ли в состоянии дать развернутую картину сложного процесса формирования каких-либо крупных этнических общностей, хотя бы с момента появления о них письменных свидетельств. Ничто не гарантирует упомянутые генеалогические схемы от многих пробелов и погрешностей, так как в них отражены представления как о действительном, так и зачастую о мнимом родстве. Вспомним, в частности, слова, сказанные в XVII в. хивинскому хану Абул-гази знатоками туркменских «шеджере» — родословных: «У нас [в народе] есть много [разных списков] сказаний об Огузе (легендарном прародителе туркмен и его потомстве. —

---

<sup>1</sup> См., например, Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. 1. М., 1954, стр. 83.

Л. Л.) но нет [ни одного] хорошего: все они [полны] ошибок и друг с другом не сходятся; каждый из них в своем роде»<sup>2</sup>.

Такая неопределенность фиксации реальных генеалогических связей объясняется не только «слабой памятью» здравствующих поколений о своих отдаленных предках, но и специфическим характером исторического возникновения и взаимодействия разнообразных объединений скотоводов. Б. Я. Владимирцов давно уже подметил, что в монгольской хронике «Сокровенное сказание» (1240 г.) и в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина (начало XIV в.) «имеется много указаний на то, что у древних монголов роды (обох) находились постоянно в движении и представляли собою величины очень непостоянные благодаря непрерывным образованиям различных родовых объединений»: разросшиеся роды то и дело дробились на части и расходились в разные стороны, что не мешало им составлять новые крупные объединения из разнородных элементов, не всегда даже одного «корня» («кости»)»<sup>3</sup>.

Данное высказывание содержит ту ценную мысль, что нельзя смотреть как на исторически относительно поздние, так и на предшествующие им средневековые «родовые общества» степняков только с генеалогической точки зрения. Характерные для различных скотоводческих групп сложные родословия не столько отражают реальное единство «крови и имени», свойственное «классическим» родам и племенам, сколько выступают в качестве традиционной, ведущей свои истоки из патриархально-родового строя<sup>4</sup> системы, стремящейся в принципе очертить больший или меньший круг людей, не обязательно состоящих в прямом родстве, но близких друг другу давними общими интересами, этническими или политическими связями, а также и в качестве своеобразной манеры «самоопределения» каждой из таких групп по отношению к своим соседям.

Красноречивым свидетельством того, что основанная на неоспоримом кровном родстве родо-племенная система давно утратила свое первоначальное значение в обществах кочевников и полукочевников, служит отмеченная многими авторами неустойчивость и даже неопределенность терминов, применявшихся самим степным населением для обозначения «рода», «подплемени», «племени», «союза (ветви) племен», «народа»<sup>5</sup>. Большой интерес представляет авторитетное заявление Н. А. Аристов: «Родом (руук, ру) у киргиз-казаков и кара-киргизов называется, с одной стороны, всякая из родовых ветвей и подразделений; но так как родовые деления и группы имеют политически общественное значение, сверх кровного иногда преобладающее, то слово «род» утратило свое строго родственное значение»<sup>6</sup>. Более того, даже для XI—XIII вв. В. В. Бартольд колебался в определении действительной родо-племенной структуры среднеазиатских огузов из-за скудости и неопределенности известной ему генеалогической номенклатуры<sup>7</sup>.

Но, видимо, тот же В. В. Бартольд был неправ, полагая, что вряд ли когда-либо соблюдалась та точная терминология родо-племенных под-

<sup>2</sup> А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абул-гази, хана хивинского, М.—Л., 1958, стр. 36.

<sup>3</sup> Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 59.

<sup>4</sup> На это обращал внимание Энгельс: «До настоящего времени бедуинские племена называют себя, как известно, Бени Салед, Бени Юсуф, и т. д., т. е. сыновьями такого-то и такого-то. Подобные названия, происходящие из древнепатриархального уклада, приводят, в конце концов, к такого рода генеалогиям» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, М., 1948, стр. 74).

<sup>5</sup> Г. П. Васильева, Указ. раб., стр. 177.

<sup>6</sup> Н. А. Аристов, Опыт выявления этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов, СПб., 1895, стр. 57.

<sup>7</sup> В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, сб. «Туркмения», т. I, Л., 1929, стр. 30.

разделений, которая известна из старинных тюркских словарей (об этом подробнее см. ниже). Очевидно, что если такая терминология некогда существовала, то она обозначала реальные, каким-то образом социально разграниченные объекты; но если эта терминология со временем стала прилагаться к любым, лишь с внешней стороны схожим объектам, то это свидетельствует скорее об исторической структурной трансформации самих этих социальных организмов. Значит, для того, чтобы по-настоящему разобраться в существе родо-племенной номенклатуры, дошедшей до нас в виде утративших свое первоначальное значение терминов, исследователям необходимо исторически реконструировать те конкретные организмические величины, которым некогда соответствовали точные и однозначные социальные и этнические термины — «род», «племя», «ветвь» и т. д.

В данном случае предлагается рассмотреть типы родо-племенных подразделений тюрков и монголов не столько в качестве неких преемственно сменяющих и до бесконечности копирующих друг друга объединений кровных родственников, сколько в качестве социальных организмов с различной структурой, которые менялись в различные исторические периоды. Это вводит нас в область историко-социологического изучения обществ кочевников и полукочевников, а поэтому требует прежде всего расшифровки избираемых исследовательских принципов, перекликающихся с установками современной социологии<sup>8</sup>.

Исходная позиция историков-марксистов, как известно, состоит в том, что они рассматривают развитие общества как естественноисторический процесс развития и смены общественно-экономических формаций, из которых каждая выступает качественно особой социологической моделью или, по В. И. Ленину, «особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»<sup>9</sup>. Но понимаемое в таком всеобъемлющем смысле человеческое общество данной формации никогда не представляло собой однородной совокупности всех людей, а расчленялось на конкретные «отдельные» общества, которые в определенные эпохи могли быть даже изолированы друг от друга. В свою очередь, каждое «отдельное» общество данной исторической эпохи имело более или менее сложную структуру составляющих его социальных групп, находившихся между собой в разнообразных и тесных связях. Конкретное общество представляется в виде иерархии социальных структур, от больших и сложных до относительно простых и малых: от классов и сословий до отдельных родственных союзов, общин и семей. Однако не все эти социальные образования имели одинаково важные значения в развитии общества. Мелкие (низшие) единицы (микроструктуры) были лишь необходимыми, но не основными звеньями целостной социальной системы, наиболее полно воплощавшей социально-экономический строй, который в данное время господствовал в данной стране. Кроме того, в обществе, становящемся классовым, свойственные ему социальные группы приобретали все большие различия в социально-экономическом положении, и в отношениях между ними устанавливалась особая социальная субординация<sup>10</sup>.

<sup>8</sup> См., например, М. А. Барг, Структурный анализ в историческом исследовании, «Вопросы философии», 1964, № 10; С. А. Кугель, О. И. Шкарата, Некоторые методологические проблемы изучения социальной структуры общества, «Философские науки», 1965, № 1.

<sup>9</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. I, стр. 429.

<sup>10</sup> См. Ю. Н. Семенов, Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки, «Вопросы истории», 1966, № 8; З. В. Удалцова, Задачи изучения генезиса феодализма в странах Западной Европы, «Вопросы истории», 1966, № 9.

Для составляющих общество основных социальных величин (объединений людей) трудно подыскать специальное наименование; будем считать их «отдельными социальными организмами». В марксистской литературе такое понятие не ново. К. Маркс называл первобытную общину «социальным организмом» и одновременно «совокупным организмом связанных между собой рабочих сил»<sup>11</sup>, а В. И. Ленин рассматривал общественно-экономические формации как «особые виды социальных организмов»<sup>12</sup>. При этом необходимо подчеркнуть, что история не знает вечных по форме и содержанию социальных организмов; напротив, исторически они очень разнообразны, ибо, возникнув в определенную историческую эпоху, каждый организм существовал и развивался лишь до известного предела, а затем исчезал совсем или трансформировался настолько, что приобретал совершенно иной социальный характер.

Касаясь исторических судеб даже такого структурно стойкого социального организма, как община свободных людей, К. Маркс, с одной стороны, констатировал, что «жизнеспособность первобытных общин была неизмеримо выше жизнеспособности семитских, греческих, римских и прочих обществ», но, с другой — рассматривал эти общины не в их неизменной сущности, а в развитии: «Было бы ошибочно ставить их всех на одну доску; подобно геологическим образованиям и в этих исторических образованиях есть ряд типов первичных, вторичных, третичных и т. д.»<sup>13</sup>.

Из этого важного высказывания К. Маркса со всей очевидностью вытекает необходимость историко-типологического изучения социальных организмов. Оно тем и отличается от формально-сопоставительного метода, что предусматривает обозрение этих объектов не только во временном их сосуществовании («синхронии») или во временной их последовательности («диахронии»), не только в однолинейном плане их генетической преемственности и эволюции от простого к более сложному, но и на разных исторических «уровнях», выражающих качественно различные этапы социально-экономического развития общества. При таком изучении устанавливается историческая однотипность или разнотипность (даже внешне чем-то похожих друг на друга) социальных организмов, независимо от того, сосуществуют они хронологически или нет<sup>14</sup>.

В исторической литературе высказывалась мысль о существовании особенного «кочевнического мира, общества» — некоего субстантивного социального организма, развитием которого управляют сугубо специфические закономерности исторического процесса. В противовес этой спорной концепции, в советской науке преобладает мнение, что историю кочевников вполне можно объяснить действием тех же общих закономерностей, которые лежат в основе развития всего человеческого общества. В частности доказывается, что, несмотря на некоторую замедленность темпов социально-экономического развития кочевых обществ, в последних, как и среди земледельцев, происходили разложение общинно-родового строя и становление сословно-классовых отношений, развивавшихся по линии феодализма. Многими сторонами своего исторического развития кочевники были связаны с оседло-земледельческим населением и не без его воздействия совершали переход от кочевого образа жизни к оседлому или полuosедлому. Высказывалось мнение, что характер вза-

<sup>11</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 389, 391, 392.

<sup>12</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 430.

<sup>13</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 402.

<sup>14</sup> См. Э. С. Маркарян, Об основных принципах сравнительного изучения истории, «Вопросы истории», 1966, № 7, стр. 22, 23.

имоотношений между оседлым населением и степняками определял собой основные особенности их общественного строя<sup>15</sup>.

Как бы то ни было, и при отмеченных связях кочевников и оседлого населения античности и средневековья те и другие все-таки размежевались на самостоятельные этнические группы и социальные организмы различной величины, и в этом отношении вполне можно говорить об обществах (структурах) скотоводов-кочевников и полукочевников.

С изложенной выше историко-социологической точки зрения любые локальные объединения кочевников — роды, племена и т. д. — предстают перед исследователем в качестве отдельных социальных организмов, которые могут (и должны) рассматриваться не только как сосуществующие или последовательно сменяющие друг друга генеалогические величины, но и как однотипные или разнотипные социальные структуры определенных исторических периодов. Обозревая в таком плане социальные образования кочевников и полукочевников Евразии, мы неизбежно придем к выводу, что их внутренний строй исторически давным-давно не выражает сущности родового общества и что известные нам социальные организмы тюрков и монголов соответствуют определенным этапам их исторического движения от первобытнообщинного строя к феодальному и от него к современности.

В данной статье, делающей только первый шаг в указанном направлении, рассматриваются наиболее зримые исторические типы социальных организмов скотоводческого населения нашей страны.

## 2. Структура традиционных родо-племенных организмов

Под наименованием «традиционные родо-племенные организмы» мы понимаем структурно наиболее ясные, ведущие свою историческую типологию из глубин родового строя объединения кочевников и полукочевников, которые основаны на сравнительно простых органических связях, признаваемых самими степняками в качестве кровнородственных связей. По типу это те общности (социальные организмы), которые, по выражению Маркса, «покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновленные родственники. Их структура есть структура генеалогического древа»<sup>16</sup>.

Средневековые письменные источники не оставляют сомнения в том, что генеалогический принцип предусматривался во всех тех жизненных случаях, когда необходимо было точно определить происхождение и общественную принадлежность то ли отдельного человека, то ли целой группы лиц как в разноречивой, так и в этнически однородной среде. По Рашид-ад-Дину, у всех древних монгольских племен «четкое и ясное родословное древо [шаджарэ], ибо обычай монголов таков, что они хранят родословие [своих] предков и учат и наставляют в [знании] родословия каждого появившегося на свет ребенка. Таким образом, они делают собственностью народа слово [зикр] о нем, и по этой причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени [кабилэ] и происхождения»<sup>17</sup>.

Сходные по типу генеалогии имело тюркоязычное население. Назвав по имени 22 родовых подразделения среднеазиатских огузов XI в., Махмуд Кашгарский дает любопытное пояснение: «Если встречаются два человека, не знающие друг друга, то один приветствует другого, потом

<sup>15</sup> А. И. Першиц, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов, «Вопросы истории», 1955, № 11, стр. 74.

<sup>16</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 418.

<sup>17</sup> Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. 1, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 13.

говорит: „Бой ким?“, то есть: „Кто твой род, племя, народ?“. И тот отвечает: „Салгур“, то есть: „род мой — племя Салгур“ или же называет один из родов, которые я перечислил в начале книги и которые [название родов] есть имена предков этих родов»<sup>18</sup>.

Но во времена Махмуда Кашгарского и Рашид-ад-Дина — в период становления у кочевников и полукочевников Евразии раннефеодальных отношений<sup>19</sup> — внутреннее устройство (структура подразделений) крупных этнических объединений тюрков и монголов было довольно сложным, хотя формально и отражающим традиционное членение этнически однородного населения по родственным группам. Поэтому в стремлении восстановить самую простую по существу и по форме социальную структуру этих народов мы должны прибегнуть к целому ряду историко-этнографических реконструкций на основании письменных и языковых свидетельств, освещающих дофеодальное состояние тюрков и монголов.

Иерархия социальных организмов, существовавших у самых ранних кочевников дописьменного периода, остается весьма гадательной. Во всяком случае, превращение скота в собственность патриархальной семьи, могущей самостоятельно прокормить сравнительно большое число своих членов, уже в древности должно было подорвать хозяйственное единство рода, который, однако, сохранил за собою значение коллективного собственника на пастбища и защитника общих интересов сородичей. Производственные потребности скотоводов заставляли отдельные семьи соединяться в кочевые общины, в которых действовал принцип родственной взаимопомощи.

Пожалуй, один из наиболее ранних намеков на такую структуру содержат летописные данные об ухуаньцах — кочевниках Центральной Азии рубежа нашей эры. Из контекста следует, что низшим социальным звеном ухуаньцев была патриархальная семья, но над ней возвышалась кочевая община — соединение нескольких таких семей («стойбище», имевшее «низшего начальника»). Далее, от ста до тысячи юрт составляют общину» агнантных родственников в более широком плане, т. е. род и ветвь родов (по Н. Я. Бичурину, «племя»). По мере необходимости эти ветви одного генеалогического корня могли объединяться в более крупные группировки: известно, что ухуаньские вожди Наньлу «с поколением из 9000 кибиток» и Кюлигуй «с поколением из 5000 кибиток» объявили себя «князьями». Провозглашал себя князем и Чжань-Шунь, который «сделался верховным вождем всех ухуаньских поколений», т. е. союза племен<sup>20</sup>.

К сожалению, мы не знаем, как в действительности назывались эти предполагаемые объединения ранних кочевников. До известной степени ответ на интересующий вопрос можно почерпнуть в древних тюркских и монгольских текстах.

Среди терминов родства, сообщаемых орхонскими надписями VII—VIII вв., обращают на себя внимание понятия *уруг* (игүү) и *урлуг джузлуг* (urluv jüzlüg), первое из которых С. Е. Малов трактует как «мои родственники, род, поколение, семена», а второе как «родственники и свойственники»<sup>21</sup>. Вероятно, это были важнейшие термины, по смыслу

<sup>18</sup> «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (далее МИТТ), т. I, М.—Л., 1939, стр. 312.

<sup>19</sup> См. Б. Я. Владимирцов, Указ. раб.; Г. А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, М., 1966, гл. VI.

<sup>20</sup> Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 142 и сл.

<sup>21</sup> С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 438, 439.

охватывавшие любой круг лиц, считавшихся состоящими друг с другом в отношениях родства и свойства, а фактически — в более разносторонних связях. На первом месте стояло, конечно, родство, отмеченное в орхонских надписях еще целым рядом терминов, имеющих основу *ог (ок)* — 'род'; таковы, например, слова *огул* — 'потомство', 'сын' и *огуш* — 'сородич'<sup>22</sup>.

Есть основания считать, что орхонские тюрки обозначали род термином *уруг* (позднее в том же значении он распространился в Средней Азии; ср. совр. туркм., узб. *уриқ* с буквальным значением 'семья'). Из енисейских надписей, например из текста «*altu baγ budun*» известен термин *баг* (возможно, сопоставимый с древнемонг. *обаг* и этимологически близкими ему тюрк. *обак*, *оба*), который В. В. Радлов и С. Е. Малов понимают в смысле «подразделение народа, поколение, род». В таком случае текст *altu baγ budun* переводится — 'народ (*будун*) из шести (родовых) делений'.

Из контекста древнетюркских надписей ясно вытекает, что *будун* — это большая этническая и социальная величина: *түрк будун* — это и все орхонские тюрки, составлявшие военное ядро каганата, и простой народ (*кара будун* — 'чернь') независимо от родовых подразделений; *токуз огуз будун* — это 'народ девяти (племен) огузов'<sup>23</sup>. Собственно в этих значениях *будун* шире отдельного племени, скорее это группа родственных племен. Но как же тогда у древних тюрков называлось отдельное племя — генетическая величина и социальный организм? По С. П. Толстову, это было именно *баг*<sup>24</sup>, но другие тюркологи придерживаются иных взглядов,

По мнению А. Н. Кононова, древние тюрки обозначали как «род», так и «племя» одним словом *ог (ок)*<sup>25</sup>, но С. Е. Малов считает обозначением «племя» слово *огуш* (по А. Н. Кононову, 'сородич'). Особого противоречия между указанными этимологиями нет, так как понятия «род» и «племя» имеют однотипную семантическую структуру, но все-таки, читая текст в честь Кюль-Тегина «бирики огушым будунум», его вероятнее перевести «присоединившиеся (ко мне) родственные племена (народы)», чем (по С. Е. Малову) «союзные племена и народы»<sup>26</sup>. В другом месте по смыслу *огуш* — часть *будуна*, понимаемого очень широко<sup>27</sup>.

На основании изложенных соображений можно предложить такую реконструкцию наименований социальных организмов древних тюрков: род («семья») — *уруг* (енисейское *баг*?); союз родов (племя) — *ог* или *огуш*; союз родственных племен — *будун* (*эль*, *иль*, как будет показано ниже). Возможно, существовали и иные термины родо-племенных подразделений, связанных друг с другом сложными отношениями родства, свойства, старшинства и достоинства, но имеющиеся источники об этом умалчивают.

Анализируя древнемонгольские материалы, сосредоточенные в «Сокровенном сказании» и «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина, Б. Я. Владимирцов пришел к выводу, что основным социальным организмом древних монголов был агнатный род — *обог*, *обок*, члены которого считались происходящими от одного общего предка (*ebüge*). Так как роды росли и разветвлялись, причем оказывалось, что ряд *обоков* вел свою родослов-

<sup>22</sup> А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 84.

<sup>23</sup> С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 27, 28.

<sup>24</sup> С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 259.

<sup>25</sup> С основой *ог (ок)* А. Н. Кононов сопоставляет этноним *огуз*. По его убеждению, слово *огуз* первоначально могло означать просто «племена», «объединение племен», а затем превратилось в этническое имя с собирательным значением: *токуз огуз* — «девять (разных) племен»; *уч огуз* — «три (разных) племени» (А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 84).

<sup>26</sup> С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 27.

<sup>27</sup> Там же, стр. 28.

ную от одного и того же предка, брак между членами таких родов не допускался, и все они считались принадлежавшими к одной «кости» (*yasun*). Поэтому любому человеку важно было в точности знать свои «кость» («корень») и «род»<sup>28</sup>.

Далее Б. Я. Владимирцов поясняет: «Для каждого члена древнего монгольского рода сородич *игух-игуг* — «потомок, отпрыск данного рода», следовательно, «родственник, родной сородич», между тем как всякое чужеродное лицо было *jad* «чужой, иностранец»; все, значит, делилось на *игух'ов* и *jad'ов*. Но среди *jad'ов* был род или роды и целые поколения, где жили *torgüd* «родственники по жене; членов таких родов можно было рассматривать уже не как настоящих *jad'ав*, их величали *xuda* «сват»... *Игух'ами* считались не только члены данного рода, но и всех родов, кровно связанных между собою происхождением от одного общего предка (*ebüge*), родов одной кости (*yasun*)»<sup>29</sup>.

С последним обстоятельством мы действительно сталкиваемся при изучении подлинника «Сокровенного сказания». Например, по легенде, четверо сыновей Дува-Сохора после его кончины отделились от прочих родственников и образовали «особое поколение» (*игуг*) Дорбен, которое делилось на четыре рода (*oboq*), вместе составлявших племенной организм — *irgen* (*Dorben oboqtan bolju*, *Dorben irgen tege bolba*)<sup>30</sup>. Из данного текста выясняется сложный характер соотношения между *уруком* — «сородичами вообще», *обоком* — родом и *иргенем* — племенем, союзом родов.

Б. Я. Владимирцов по этому поводу пишет: «Роды, близко кровные друг другу, составляли у древних монголов племя или подплемя (поколение), которое называлось *irgen*... Племенем — *irgen* можно было назвать всех Кият — Борджигин, разбившихся на много ветвей родов, „больших семей“. Конечно, в некоторых случаях трудно провести строгое различие между родом — *обох*, который сам являлся величиной сложной, ... и племенем — *ирген*»<sup>31</sup>. Интересные данные на сей счет сообщил Рашид-ад-Дин, касаясь сложного родословия монголов-дарлекинов, будто бы ведущих свой корень от двух легендарных предков — Нукуза и Кията: «Каждая их ветвь стала известной под определенным именем и названием и стала отдельным обоком, а под [термином] обак [имеются] в виду те, кои принадлежат к определенным кости и роду. Эти обаки еще разветвились. В настоящее время у монгольских племен так установлено, что те, которые появились от этих ветвей, чаще всего состоят между собой в родстве, и монгол-дарлекины — суть они»<sup>32</sup>.

Подлинник «Сокровенного сказания» подтверждает, что род — *обок* (*обох*) мог быть сложным организмом, имевшим свои довольно крупные подразделения: известно выражение *oboq bolqu* — «составить особое колено рода». Точно так же ирген — этническая и социальная величина племенного масштаба — мог разделяться на «подплемена» — *bölek irken* ~ *bölüg irgen* — буквально «кучка народа»<sup>33</sup>. В «Сказании» довольно употребителен термин *qarï* (*xarï*), мн. число *qarïn*, которому С. А. Козин придает значение «род, племя, страна»; Б. Я. Владимирцов же считает его обозначением «большого рода, колена».

Самым низшим социальным подразделением у монголов была патриархальная семья — довольно многочисленный коллектив, ведущий совместное хозяйство. По мнению Б. Я. Владимирцова, такая большая

<sup>28</sup> Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 46.

<sup>29</sup> Там же, стр. 60.

<sup>30</sup> С. А. Козин, Сокровенное сказание, М.—Л., 1941, стр. 207.

<sup>31</sup> Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 79.

<sup>32</sup> Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 153—154.

<sup>33</sup> С. А. Козин, Указ. раб., стр. 524, 526.

семья также могла называться *обо*<sup>34</sup>. В виде вероятной параллели укажем древнетюрк. *äb* — 'дом, домохозяйство'<sup>35</sup>. В словаре В. В. Радлова дано слово *оба* — 'юрта', 'семья', 'кочевье'<sup>36</sup>. Это же слово у Махмуда Кашгарского означает даже «племя» (кабилэ)<sup>37</sup>. И если даже последний явно преувеличивает, *оба* в различных ее смыслах рисует объединением родственных семей, связанных совместным кочевьем, а как таксономическая единица — объединением большим, чем одна кибитка (соврем. узб. *uj* ~ *oj*, туркм. *öj*), но меньшим рода — *уруг*. У древних монголов существовала аналогичная величина — *bölek oboq* или *ayil* — хозяйственно-кочевое объединение некоторого числа родственных семей (кочевая община).

В таком виде предстает перед нами структурно наиболее ясная система взаимосвязанных социальных организмов древних тюрков и монголов на пороге вступления их в раннеклассовое общество. Органические связи, оформляющие и обрамляющие каждую отдельную единицу и поддерживающие данную систему в целом (в рамках определенной этнической общности), заключались не только в представлениях о кровном родстве и свойстве, но и в целой совокупности структурно-значимых факторов — экономических (совместные кочевья, хозяйственная взаимопомощь и т. д.), политических (совместная защита от внешней опасности) и этнических (родство языка, самосознания, культуры, быта, культов и пр.).

### 3. Структура «больших племен» — элей (илей), улусов

Историки давно заметили, что в различных обществах, переживавших развитие от общинно-родового к раннеклассовому строю, характерными были тенденции, приводившие к расширению межплеменных связей и к политической концентрации родственного населения в крупные союзы и конфедерации. Сильные племена привлекали к себе добровольно или подчиняли силой более слабые группы и, особенно в условиях подвижного кочевого быта, сливались с ними настолько, что образовывали обширные и довольно сплоченные социальные организмы (они же этнические общности) нового типа, так называемые «большие племена» (тюрк. *эль* — *иль*, монг. *улус*)<sup>38</sup>.

Одним из примеров такого объединения был союз хуннов конца III в. до н. э., состоявший из многих «родов» (племен) и возглавляемый верховным вождем — шаньюем. Так как в общехуннском союзе соединились племенные величины, не одинаковые по родovitости, состоятельности и воинской силе, то в отношениях между ними установилась своеобразная иерархия «старшинства и достоинства» — от аристократического рода шаньюя до подчиненных племенных групп. По данным китайской хроники, из 24 управляемых вельможами «старейшинами» племенных единиц только 14 возглавлялись не членами царствующей фамилии, а наследственными племенными вождями, тогда как первые и главные 10 кочевых улусов находились под властью ближайших родичей шаньюя<sup>39</sup> и представляли собой, возможно, не их исконные родовые владения, а полученные от шаньюя уделы. Отмеченное явление было зачатком своего

<sup>34</sup> Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 71.

<sup>35</sup> С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 362.

<sup>36</sup> В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I, СПб., 1893, столб. 1157.

<sup>37</sup> МИТТ, т. I, стр. 310.

<sup>38</sup> Термин «большие племена» — *Großstämme* предложен немецкими историками для обозначения племенных объединений германцев III в. н. э. См. В. М. Жирмунский, Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков, М.—Л., 1964, стр. 46, 47.

<sup>39</sup> Н. Я. Бичурин, Указ. раб., стр. 119, 120.

рода удельно-улусной системы, которой в будущем при благоприятных обстоятельствах (наличии сильной деспотической власти с великодержавными устремлениями) было обеспечено значительное развитие. Но в хуннской «державе» было еще много «варварского», т. е. переходного от родового общества к раннеклассовому. Обширное, но внутренне слабое и исторически недолговечное военно-политическое объединение хуннов под властью наиболее удачливых шаньюей послужило первым опытом создания государственности древних тюрков на основе военно-демократической, переросшей в военно-иерархическую, системы.

В становлении раннеклассовой (прафеодальной и раннефеодальной) государственности у кочевников наблюдались определенные, повторяющиеся закономерности: соседствующие, обычно родственные племена разрастались и укрупнялись, вступали друг с другом в союзы или подчинялись наиболее сильной племенной группировке; в составе последней поднимался наиболее влиятельный аристократический род, который и брал на себя инициативу сколачивания более прочной конфедерации с авторитарным началом. Главной целью этой зарождающейся государственной власти было расширение сферы ее политического влияния на соседние страны и народы и возложение на них даннических отношений.

Зарождение именно таких отношений мы обнаруживаем в социальной структуре алтайских «орхонских» тюрков, активно выступивших на историческую арену в VI в. и создавших обширную «державу» — тюркский каганат. Могущество тюркских каганов из аристократического рода Ашина возросло на почве беспрерывных завоеваний, открытого грабежа многих соседних племен; при этом главной целью завоеваний, как заметил в свое время К. Маркс, «всегда становилось присвоение людей» в качестве подданных и самостоятельных производителей, на которых (с помощью, конечно, военной силы) можно было возложить различные дани и повинности<sup>40</sup>.

Китайские хроники и памятники орхонской письменности полны описаниями того, как тюркские каганы и хитрой союзнической политикой, и насильственными мерами создавали «вечный эль тюркского народа», который в одном орхонском тексте очень удачно назван *бод'ом* — 'телом, организмом'<sup>41</sup>, что, по принятой нами терминологии, равно социальному организму. В трактовке самого термина *эль* (*иль*) исследователи расходятся: по В. В. Радлову, это «племенная общность»; по П. М. Мелиоранскому, — «племенной союз», но также и «самостоятельная государственная жизнь» орхонских тюрков; по С. П. Толстову, — «государство», «гражданская община» в античном понимании этого слова<sup>42</sup>. Оригинальное и, кажется, наиболее удачное решение вопроса предложил С. В. Киселев: «Судьба эля связана вовсе не с архаическими союзными отношениями племен, не с родо-племенными связями, но с судьбами ханов и бегов — с судьбами представителей аристократии. Эль есть организация ханов и бегов, противостоящая массам, обеспечивающая в рамках возможного господство над ними»<sup>43</sup>.

Эль как формирующийся классовый социальный организм с военно-иерархической структурой и авторитарным управлением был призван отнюдь не для того, чтобы укрепить традиционные родо-племенные отношения и связи, а для того, чтобы, используя до времени родо-племенную субординацию, подчинить власти каганата (через прямое подчинение родо-племенной верхушки) свободное население обширных пространств.

<sup>40</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 729; т. 25, ч. II, стр. 353, 354.

<sup>41</sup> См. С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 70, 372.

<sup>42</sup> См. С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 259.

<sup>43</sup> С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1949, стр. 282.

Тюркские каганы были в состоянии навязать даннические отношения многим соседним народам, но еще не обладали такой силой, чтобы полностью разложить свойственную этим народам традиционную социальную структуру.

Своеобразными чертами было отмечено существование огузского *иля*: Средней и Передней Азии. По Махмуду Кашгарскому, «огуз — одно из тюркских племен [кабиле], они же туркмены. Они состоят из 22 родов [бати]. У каждого рода их знак и клеймо для животных, по которому они узнают друг друга»<sup>44</sup>. Ранние огузы представляли собой довольно пестрый конгломерат племенных объединений, нередко враждовавших друг с другом или вступавших во временные и непрочные союзы, но уже в X—XI вв. наблюдается тенденция к возвышению наиболее сильного племени и подчинение ему остальных под главенством «царя» — *ябгу*<sup>45</sup>. М. Кашгарский прямо называет племя Кынык «первым и основным родом» огузов, из которого вышла династия султанов Сельджукидов<sup>46</sup>. Опираясь на туркменские предания, Абул-гази сделал примечательное пояснение: «... государя поднимали из многочисленного уруга, малочисленные уруги присоединялись к нему; иногда [их] собиралось шесть-семь; а иногда [их] собиралось три-четыре. А бывало, что [все] они враждовали друг с другом, совершали набеги друг на друга, захватывали [друг друга] в плен»<sup>47</sup>.

Длительное отсутствие прочной верховной власти не позволяло среднеазиатским туркменам сплотиться в единый политический организм, но их социально-этническая структура в целом отличалась значительной сложностью. Махмуд Кашгарский выделяет наиболее крупные подразделения туркмен — Кынык, Кайыг, Салгур (Салор), Язгыр (Языр) и т. д., замечая при этом: «Затем каждое племя их имеет подразделения (фирка) и колена (бати)»<sup>48</sup>. Более детальную номенклатуру туркменских подразделений дает Абул-гази. На переднем плане у него всегда *уруг* (его монг. параллель — *омак*), причем уругом можно было назвать и родовую ветвь, и племя — «кость», и группу тесно связанных племен одного корня. Так, салоры — крупное племенное объединение — фигурируют у Абул-гази в качестве *уруга*, *халк'а* — «народа», а также *иля*, равнозначного «народу», а точнее — военно-политическому объединению родственных единиц. Употребляет Абул-гази и термин *тайфа*, который соответствовал объединению, более крупному, чем обычный *уруг*, но, как правило, являвшемуся частью (своего рода фратрией) «большого племени» — *халк*<sup>49</sup>.

Но это лишь одна сторона общественных делений средневековых туркмен. Как бы ни были последние привержены к своему *уругу* (*омаку*), в их собственном представлении и в представлении окружающих каждый уруг обязательно входил в какое-либо более крупное объединение — этническое и политическое. По Абул-гази, «когда человек спрашивает человека, он спрашивает так: "Ты из омака какого иля?" Ответ мог быть следующим: "Мы из салорского народа огузского иля" (Біз огуз ілі салор халкандын турурмыз)<sup>50</sup>». Это было этническое определение. Вместе с тем многочисленные подразделения огузского иля не считались равны-

<sup>44</sup> МИТТ, т. I, стр. 309.

<sup>45</sup> Там же, стр. 162, 184, 219, 229, 350.

<sup>46</sup> Там же, стр. 309.

<sup>47</sup> А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 56.

<sup>48</sup> МИТТ, т. I, стр. 310.

<sup>49</sup> С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистического общества», 1935, № 9—10, стр. 8, 9.

<sup>50</sup> А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 52, 128.

ми друг другу в общественном отношении. В устной и ранней письменной традиции туркмен отразились различные исторические стадии развития иерархической структуры.

Сравнительно прост, хотя и не совсем ясен, порядок деления мифических шести сыновей Огуз-хана на «старших» — *бузук* и «младших» — *учук*, потомки которых составили обычные для кочевников «крылья» войска — правое и левое. Может быть, как думают некоторые исследователи (С. П. Толстов, Т. А. Жданко и др.), в таком порядке пережиточно отразились черты дуальной организации, но следует обратить внимание и на то, что, по А. Н. Кононову, название *учук* > *уч* — *ок* (в виде параллели *уч огуз*) вполне могло обозначать три разных племени<sup>51</sup>, по какой-либо причине оказавшихся в неравноправном союзе с более сильной группой *бузук*. В свете изложенных материалов об иерархической структуре хуннов и орхонских тюрок такое предположение не выглядит невероятным.

Во всяком случае, у Абул-гази при всей исторической туманности рассказа о том, что значит у туркмен «двенадцать йузликов и двадцать четыре аймака»<sup>52</sup>, отчетливо проступают черты господствовавшей в огузском иле военно-иерархической системы общественных отношений. Конечно, легендарное повествование о составивших огузский иль прямых потомках 24 «законных» внуков Огуз-хана и 24 лиц, «тех, кому Огуз-хан нарек имена, равно как и внуков, рожденных от наложниц», научной критики не выдерживает, но интересны слова Абул-гази о том, что первые («законные»), разделенные на 12 *бблук* — племенных групп, получили название *йузлик* — в данном случае «белая кость» в иле, тогда как вторые («незаконные» и отчасти даже неродственные) стали называться аймаком — практически группами более низкого общественного состояния и смешанного происхождения<sup>53</sup>.

В ходе естественного дробления и расселения, военных походов в страны Передней Азии и иных жизненных обстоятельств структура подразделений огузского иля подвергалась существенным изменениям. Многие родственные группы и даже части их по разным причинам оказались вдалеке от исконных кочевий — *бајары јурт*<sup>54</sup> и, разместившись на новых землях, неизбежно образовывали новые объединения. Изучая расселение огузско-туркменского племени кайи в Передней Азии, Авни Али Джандар нашел мелкие его подразделения на громадном пространстве от Чанак-калэ до Карса, от Урфы до Манисы. В свою очередь, В. А. Гордлевский установил, что в одном только Анкарском вилайете были представлены подразделения по крайней мере 17 из 24 огузских племен, приведенные Сельджукидами из Средней Азии. Тем же автором сделан правильный вывод: в стремлении упрочить свою политическую власть «султан старался раздробить и разъединить племена, чтобы они чувствовали зависимость не от начальника племени, не от бея, а от султана»<sup>55</sup>.

На данном, равно как и многих других примерах мы можем констатировать определенную закономерность в развитии общественных связей у средневековых кочевников: по мере нарастания разрушительных внутренних и внешних сил, систематически дробивших исконные родоплеменные группировки, развивались и становились правилом новые начала политической (не только племенной, но и территориальной) концентрации разрозненных групп различного генеалогического корня.

<sup>51</sup> А. Н. Кононов, Указ. раб. стр. 91.

<sup>52</sup> Там же, стр. 52.

<sup>53</sup> МИТТ, т. II, М.—Л., 1939, стр. 43, 125, прим.

<sup>54</sup> А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 50.

<sup>55</sup> В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1911, стр. 45, 49.

В указанный процесс втягивались большие массы населения на огромных пространствах степей, и привести в какую-либо систему такие сложнейшие конгломераты было под силу только централизующей государственной власти. Положим, ни Караханидам в Средней Азии, ни Сельджукидам в Малой Азии этого сделать не удалось. Иная историческая роль выпала монгольским завоевателям, заложившим и новые основы государственности, и новые формы группировки кочевого населения от Монголии до Поволжья.

#### 4. Структура государственных образований с этнически разнородным составом

Здесь не место рассматривать перипетии формирования раннефеодального государства Чингиз-хана. Процесс сложения этой державы показал настойчивое и последовательное наступление сильной государственной власти на патриархально-родовой уклад, власти, ищущей и находящей себе социальную опору не в традиционных родо-племенных институтах, а вопреки им создающей себе социальную опору на началах военного вассалитета и классовых интересов вновь нарождающегося феодального строя, власти, вводящей новые узаконения, которые разрушили отжившую систему прафеодальных даннических отношений, заменив их системой обычного феодального фиска.

Еще до возвышения политической группировки кочевой знати во главе с Чингизом социально-этнические объединения монголов претерпели значительные структурные изменения. Внешние военные столкновения и внутренние распри больших и малых нойонов приводили к разъединению родов, рассеиванию мелких кочевых общин среди чужеродцев — *jad'ov* и возникновению совершенно новых социальных связей. Типичными стали отношения патроната и прямого подчинения слабых родов сильными. Подчиненные группы *ипаган богол* обычно кочевали совместно с господствующим родом, причем потребности обоюдной обороны и непосредственное соседство сглаживали отношения между ними настолько, что нередко начинали напоминать союзнические отношения двух близких родов<sup>56</sup>.

Описанным путем оформлялись «большие племена», в которых реальной связью мелких подразделений были их союзнические отношения и совместные кочевья. Такое племя можно назвать архаичным термином *ирген*, но лишь в смысле большой совокупности людей с одним общим именем. В качестве же социального организма, уже основанного на началах сословно-иерархической системы прямого господства и подчинения, «большое племя» монголов XII—XIII вв. лучше назвать *улусом*, т. е. народом, объединенным в таком-то уделе под властью аристократического рода с ханом во главе<sup>57</sup>.

В борьбе за державную власть Чингиз-хан опирался, конечно, и на сложившуюся до него систему «больших племен», в том случае, если эти группировки его поддерживали или покорялись без особого сопротивления; однако чаще он стремился сокрушить родо-племенную структуру враждебных ему сил, насильственно рассеивая наиболее сплоченные «большие племена» по другим инородным объединениям<sup>58</sup>.

Период монгольских завоеваний ознаменовался массовым перемещением кочевого населения на обширнейшей территории. И если при этом традиционный порядок размежевания кочевников по родственным

<sup>56</sup> Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 63—65; Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, стр. 122.

<sup>57</sup> Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 97.

<sup>58</sup> С. А. Козин, Указ. раб., стр. 162 и сл.

группам и не был сокрушен полностью, то все-таки он приобрел иной характер. Сплошь и рядом кровное родство в широком смысле практически становилось фикцией. Родственные объединения могли составлять мелкие общины различной «кости», но ведущие свое происхождение от одного легендарного предка, или входившие некогда в состав одного «большого племени». Возможным было и так называемое «территориальное родство», даже вплоть до возникновения экзогамии, основанное не на исконных кровных узах, а на давней территориальной близости и слиянии<sup>59</sup>.

Особенно трансформировались понятия, связанные с родственной принадлежностью к объединениям более крупным, чем *уруг* (*омак*), объединениям, которые со времен разверстания подвластного Чингизидом населения по «тысячам» и «тюменям» (улусам) приняли характер военно-политических единиц и феодальных уделов. Если «тысячи» и могли соответствовать сохранившимся в целостности племенам, то тюмены — улусы обычно составлялись из «тысяч» и отдельных родов, собранных воедино принудительной властью из разных племен<sup>60</sup>. Не следует забывать и того, что большие улусы — владения включали в свой состав совершенно различные по происхождению этнические группировки, которые могли сближаться и смешиваться друг с другом, создавать новые «родственные» объединения, вновь дробиться на составные части и опять составлять те или иные комбинации родства, свойства, соседства, подданства и так до бесконечности.

Достаточно характерный пример этого показывает история Ак-Орды, т. е. улуса кочевых узбеков Дешти-Кыпчака. В XV в. это был сложный конгломерат по крайней мере 23 племенных групп с особыми этническими именами тюркского и монгольского происхождения. Рузбехан, писатель начала XVI в., сгруппировал их как бы в три «народа» (тайифэ), учитывая, вероятно, их примерное этническое и политическое размежевание<sup>61</sup>. Однако потом эти эфемерные объединения раздробились и самыми разнообразными частями вошли в состав казахов, каракалпаков, узбеков, башкир и других народов<sup>62</sup>.

Сложная структура социальных организмов, которую исследователи фиксируют в средневековой истории населения Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири, не может быть признана прямым наследием первобытнообщинного строя. Фактически эта структура есть своеобразное порождение и санкция феодальной формации. Это совершенно ясно по отношению к таким административным единицам, как «тюмени» (то же «улусы», «или»), введенным в Средней Азии Чагатаями и существовавшим там много позднее<sup>63</sup>. По существу аналогичный характер носит та развернутая номенклатура подразделений улуса (тюменя), которую мы находим в словаре Ахмеда Вифик-паши: улус делится на или, иль — на уймаки, уймак — на бои, бои — на уруки (роды)<sup>64</sup>.

Письменный и полевой<sup>65</sup> материал хорошо показывает, насколько сложным было соотношение между этими генетическими и социальными величинами, ибо конкретные уруги, бои, аймаки и т. д. представляли собой или разделившиеся части недавних образований, или осколки каких-то стародавних группировок, может быть даже пришедших со стороны,

<sup>59</sup> Б. Э. Петри, Территориальное родство у северных бурят, Иркутск, 1924.

<sup>60</sup> Б. Я. В л а д и м и р ц о в, Указ. раб., стр. 108—110.

<sup>61</sup> Б. А. А х м е д о в, Государство кочевых узбеков, М., 1965, стр. 16.

<sup>62</sup> Т. А. Ж д а н к о, Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950, стр. 161—168.

<sup>63</sup> В. В. Б а р т о л ь д, Соч., т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 34, 50.

<sup>64</sup> Там же, стр. 394.

<sup>65</sup> См. работы Т. А. Ж д а н к о, Г. П. В а с и л ь е в о й, Я. Р. В и н н и к о в а и др.

или смешение самых разнородных единиц в рамках тех или иных административно-политических объединений.

Существование таких организмов объясняется характером социально-экономических отношений у средневековых скотоводческих групп Евразии. Отдельная семейная ячейка при всей ее хозяйственной самостоятельности не могла кочевать и пользоваться пастбищами, не объединяясь с подобными ей единицами в кочевую общину, а эта последняя не могла успешно использовать и охранять свои владительные права на землю, не заручившись круговой порукой с другими общинами, ведшими счет происхождения от одного и того же предка (или бывшего предводителя) и имевшими общее управление. Но и такое объединение, в котором родственные отношения и взаимопомощь были действительно реальными и прочными, в свою очередь нуждалось в более широком территориально-племенном союзе, носившем уже характер «гражданской общины» с военно-политическими функциями. По мере вызревания феодальных отношений и усиления ханской власти на такую «гражданскую общину» и, соответственно, на ее подразделения возлагались отношения подданства со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими последствиями. Для кочевой аристократии и политических суверенов «присвоение людей» и соединение их в обширные *или* и *улусы* служило главным источником могущества<sup>66</sup>. Для рядовых кочевников обязательная принадлежность к какой-либо общине была единственной возможностью выжить и сохранить свое хозяйство. Никуда не входить и быть полностью независимым средневековый кочевник не мог, так как и в степи действовала типично феодальная норма «нет земли без господина», располагающего принудительной властью, возведенной в традиционное владительное право.

Размеры журнальной статьи не позволяют рассмотреть вопрос о социальной структуре территориально-административных делений, установившихся после присоединения к России Казахстана и Средней Азии. Впрочем, на эту тему написано немало серьезных работ советских историков, которые за пестротой родовых наименований, сведенных в генеалогические пучки, сумели разглядеть как давний распад родовых отношений и возникновение соседской общины, так и замену племенной этнической общности более широкой этнической группировкой кочевого населения, основанной на территориальных — «земляческих» связях.

Итак, изучение исторической структуры социальных организмов средневековых кочевников позволяет отчетливее показать, во-первых, что кочевническое общество не находилось в состоянии многовековой статичности и «врожденного» родового быта; во-вторых, что, совершая свой исторический путь от отношений доклассовых к развитым классовым, это общество создавало различные формы социальных и этнических объединений людей со все более усложнявшейся структурой, которая по мере исторического развития неизменно теряла качество родо-племенной организации, приобретая характер органической системы феодального типа.

#### SUMMARY

Investigations into the historical structure of social organisms of medieval nomads make it possible to demonstrate very clearly that nomadic society should not be rendered as a static one innately characterized by clan ties. In the process of transition from pre-class relations to classes this society developed various forms of ever more complicated social and ethnic structure. Being originally that of tribal character, it immutably turns into the feudal system.

<sup>66</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 729.